

Голованева Татьяна Александровна

ВАРИАТИВНОСТЬ ЭПИЗОДА В СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ АБОРИГЕНОВ КАМЧАТКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВАРИАНТОВ СКАЗКИ О ТОМ, КАК МЫШИ КАТАЛИСЬ С ГОРЫ)

В данной статье на материале вариантов популярной на Камчатке сказки о том, как мыши катались с горы, рассматриваются факторы, обуславливающие вариативность эпизода сказки. Насыщение эпизода изобразительными деталями, психологическими комментариями, детализация действий персонажей обусловлены локальной традицией, индивидуальной повествовательной манерой рассказчика, его жизненным опытом, коммуникативной ситуацией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 49-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE CURRENT STATE OF STUDIES OF THE MOSCOW SEMANTIC SCHOOL IN CHINA

Go Litszyun', Doctor in Philology

Post-Doctoral Research Mobile Station of Foreign Languages and Literature
of the Heilongjiang University, city of Harbin, China
Shaanxi Normal University, city of Taiyuan, China
glj827@163.com

The article provides comprehensive analysis and objective survey of the basic approaches of the Moscow semantic school and its ideas in the modern Chinese scientific research environment. On the basis of these data the author presents a review of the works of the Chinese scientists dedicated to the studies of this scientific school with a view to prepare a useful and efficient material for further propagation of the linguistic ideas of the Moscow semantic school not only within the country but also outside.

Key words and phrases: Moscow semantic school; systemic lexicography; integral description of a language; model "Meaning Û Text"; review and development prospects in China.

УДК 398.22

Филологические науки

В данной статье на материале вариантов популярной на Камчатке сказки о том, как мыши катались с горы, рассматриваются факторы, обуславливающие вариативность эпизода сказки. Насыщение эпизода изобразительными деталями, психологическими комментариями, детализация действий персонажей обусловлены локальной традицией, индивидуальной повествовательной манерой рассказчика, его жизненным опытом, коммуникативной ситуацией.

Ключевые слова и фразы: аборигены Камчатки; коряки; ительмены; кереки; корякский фольклор; ительменский фольклор; сказки; мифологический эпос; Вороний эпос; этнографические истоки; локальная традиция; вариативность; эпизод; архаическая культура.

Голованева Татьяна Александровна, к. филол. н.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
gta-77@mail.ru

**ВАРИАТИВНОСТЬ ЭПИЗОДА В СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ АБОРИГЕНОВ КАМЧАТКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВАРИАНТОВ СКАЗКИ О ТОМ, КАК МЫШИ КАТАЛИСЬ С ГОРЫ)[©]**

Сказка о том, как мыши катались с горы, очень популярна на Камчатке. Сопоставление различных вариантов этой сказки позволяет увидеть, насколько устойчивой является детализация фольклорного текста, что подвержено влиянию времени, а что, напротив, вопреки изменению быта аборигенных народов, устойчиво сохраняется в тексте сказки.

Развёрнутость / свёрнутость отдельного эпизода зависит от нескольких факторов. На нее влияет локальная фольклорная традиция; влияет ситуация: насколько рассказчик в данный момент расположен детализировать слышанную им ранее сказку; влияют особенности памяти рассказчика: насколько он хорошо запомнил детали сказки; влияет филологическая одаренность рассказчика: насколько он склонен сам к вербальной детализации моделируемого изображения.

Корякская повествовательная традиция не является жёстко канонизированной. Она легко допускает авторские модификации сюжетов или эпизодов, но при этом магистральная сюжетная линия всё же сохраняется, однако сами эпизоды могут быть расширены, детализированы очень подробно, что связано, не столько с особенностями локальной традиции, сколько с индивидуальной повествовательной манерой рассказчика, его авторской активностью и даже его жизненной позицией.

Отдельные эпизоды в тексте одной и той же сказки обладают разной степенью допустимой вариативности. Эпизод, в котором лиса, используя заклинание, снимает мышей с дерева, предельно устойчив, что связано, прежде всего, с устойчивостью самих реплик заклинания, которые воспроизводятся рассказчиками буквально слово в слово. Следующий эпизод, в котором лиса велит мышам наполнить пустой мешок, чтобы он с виду казался наполненным, вариативен гораздо в большей степени. Здесь нет той жесткой привязки к конкретным вербальным формулам, которые и делают эпизод максимально устойчивым. Повествуя о том, как лиса велит мышам наполнить мешок, каждый рассказчик как будто волен сам моделировать изображение, при этом эпизод может быть свернут буквально в два предложения: *Тот мешок наполнили (чем попало), и мышонка (задохшегося) сверху положила (лиса). Дерево распрямили, и лиса мышей домой потащила* [3, т. 13, п. 37, 38] (*здесь и далее т. – текст, п. – предложение – прим. автора Т. Г.*). Этот же эпизод может быть, напротив, разыгран как действие: с репликами и подробной детализацией. Так как в данном эпизоде детализация не связана с развитием сюжетного действия, то рассказчик может насыщать эпизод подробностями в соответствии со своим жизненным опытом и своими представлениями о том, как всё могло бы

происходить в сказке, поэтому в разных вариантах – разное ‘наполнение’ мешка. Сама традиция в этом случае не просто предполагает, но побуждает к вариативности. **Что** именно используется в качестве поддельного содержимого штанов не принципиально для сюжета, но важно для создания осязаемости, фактурности изображения ситуации: есть, где развернуться индивидуальной фантазии рассказчика. С другой стороны, для формирования следующего эпизода необходимо, чтобы среди всего этого разнообразного мусора, наполняющего мешок, был один задохнувшийся мышончок, поэтому упоминание об одно умершем мышонке обязательно для данного эпизода: *Она (лиса) все развязала. Вышли. Один, самый маленький, умер, бедненький. “Носите половинки рыбы”. Натаскали грибов. Смешали с половинками рыбы. Наполнили штаны. В самой середине положили младшего. Завязали [1, т. 132, с. 944]; “Скорее соберите зеленоватый мох, заполните (штаны) кусками дерна”. Положили внутрь на видном месте (=сверху) одного удушенного мышонка [4, т. 14, п. 24-26]; “Сейчас вот эти деревянные бабашки доставайте, снимайте, и мы положим их туда. В мешок, завяжем и повесим”. Ну, достали эти, поснимали деревянные бабашки, наполнили большущий мешок. Сверху младшего положили и завязали. Снова повесили его на дерево [1, т. 148, с. 1038]; “Сейчас мы соберем (камни), эти штаны набьем камнями. Мелкие камни ищите. Вы же мелкие”. Набили камнями штаны. Одного положили наверх, на камни, мёртвого. Повесили на место штаны [Там же, т. 146, с. 1027]; *Набила лиса мешок веточками шикши, умершую мышку обратно положила [7, т. 116, с. 365].**

Отличие от всех вариантов, в тексте, записанном от А. А. Симоновой, лиса съедает мышей, что совершенно не согласуется с исконным сюжетом, и, вероятно, является влиянием русской сказочной традиции: *Дерево наклонилось. (Лиса) женский комбинезон отвязала, взвалила на спину и убежала домой. Вернулась домой, и вот этих мышей съела [6, т. 2, п. 28-32].*

Следующий эпизод, повествующий о том, как Большой Ворон (Старуха-злой-дух) с удовольствием съедает одного задохнувшегося мышонка, является второстепенным, т.е. его отсутствие совершенно не повлияло бы на логику развития сюжета. Однако данный эпизод оказался не только очень устойчивым, но и подробным в деталях. Рассказчики с удовольствием, с подробностями описывают, как Большой Ворон (Старуха-злой-дух) предвкушает лакомство, как лакомится одним задохнувшимся мышонком и как потом обнаруживает, что мышей больше в мешке нет: *Кутх на третий день пошел к своим “прокисшим” мышам. Придя туда, он сразу приказал дереву согнуться. Дерево сразу же согнулось. Кутх развязал штаны и пошёл в сторону. Там он сел, глаза закрыл, руки поднял, зубами заскрежетал, потом открыл штаны и сразу засунул руку. Сразу поймал мышонка. Не посмотрев, положил в рот и съел его. Кутх тут промолвил: “Ах, как вкусно! У-у!” И сразу опять опустил руку в штаны. Начал искать других мышей. Ничего не нашёл, кроме бересты. Кутх очень рассердился и сразу подумал: “Поди вот лиса проделала это воровство. Дай-ка пойду к ней! За это лису убью” [5, с. 145].* Интересно, что только в ительменских вариантах актуализирована символика троичности, которая совершенно не характерна для ительменской или корякской фольклорной традиции, зато характерна для русской сказки. Напротив, в корякских вариантах сказки время не является обязательной составляющей изображения: *Дерево распрямили, и лиса мышей домой потащила. Ивляк спешит. Подошёл к дереву, снял мешок. Понёс его на спине домой. Пришёл домой. Раскрыл мешок. Нашарил одну мышь. Проглотил. Очень понравилось. Стал другую нашаривать. А ничего нет больше. Очень рассердился ивляк [3, т. 13, п. 38-49].* В корякской фольклорной традиции упоминание времени (суток) скорее является исключением, нежели правилом: *Ближе к вечеру пришла домой бесова старуха. (Мхи поют:) “Мизгивав, витьгивав”. “Ой, приятно прокисшее-голомист закваска”. Ну пришла: “Дай-ка одну, отдыхая, пожую”. Ну как её? – эту пожевала. “Ой, приятно прокисло немного. Ну-ка, другую”, – ещё захотела она. Так и так, сняла (она эти штаны), кем-то наполненные кусками дерна [4, т. 14, п. 34-41].*

Небольшой, второстепенный эпизод о том, как Большой Ворон (Старуха-злой-дух) съедает мышонка, эмоционально насыщен, экспрессивен. Этот комический эпизод доставляет столько удовольствия и рассказчику, и слушателем, что устойчиво сохраняется в большинстве вариантов. Рассказчики подробно, с удовольствием изображают, как Старуха-злой-дух думает о том, какими вкусными будут прокисшие мыши, с каким удовольствием она съедает первого протухшего мышонка, при этом, чем более детализировано изображение, тем сильнее оно в эмоциональном плане: *А Старуха-злой-дух идет по березняку, только и думает: “Наверно, моя еда совсем прокисла, хорошо покушаю!” Дошла до берёзы, где повесила узел и закрычала: “Дерево, дерево, согнись!” Дерево согнулось, взяла узел. Сразу умерший мышончок, сверху лежащий к руке прилип. Ну, сильно обрадовалась Старуха-злой-дух: “Наверное, нижние еще сильней прокисли”. Глубоко засунула руку и сильно о древесные губки ударилась. “Эй-йи-йи! Лисица была здесь!” [2, т. 21, п. 68-75].* Этот эпизод позволяет в лицах разыграть то удовольствие, которое получает Большой Ворон (Старуха-злой-дух) от ‘вкуснятины’ (дохлого мышонка), которую он(а) для себя приготовил(а) из пойманных мышей. Чем более красочно удастся показать удовольствие от поедаемого мышонка, тем комичнее и зрелищнее изображается разочарование, когда обнаруживается, что больше ни одно мышонка и нет. Комично не только то, что Большой Ворон (Старуха-злой-дух) квасит еду в женском комбинезоне, ещё комичнее – какую еду. Ни коряки, ни ительмены никогда в пищу мышей не употребляли, поэтому описание того, с каким удовольствием можно есть прокисшего мышонка, должно было вызвать бурю смешанных чувств у слушателей: и смеха, и физиологического отвращения одновременно. В повести В. Тан-Богораза «Восемь племен» есть описание, с какой безразличностью камчатские племена относились к племени мышеедов [8, с. 12].

В корякских и ительменских вариантах сказки эпизод, в котором Старуха-злой-дух (Большой Ворон) съедает одного мышонка, очень устойчив, однако есть тексты, в которых он отсутствует. Один вариант, записанный от Александры Алексеевны Симоновой, характеризуется редукцией всех эпизодов и значительной их модификацией по сравнению с другими (ительменскими и нымыланскими) текстами: *Эта Женщина-*

злой-дух пришла на следующий день. Никакого комбинезона, ни одного мышонка. Подумала: “Никто так не балуется, только лиса такова. погоди, наверно, пойду к тебе”. Что ж, отправилась эта (Старуха-злой-дух) к лисе домой [6, т. 2, п. 36-40]. Другой вариант, в котором пропущен эпизод, где Куткыннюку лакомится задохнувшимся мышонком, – это текст, записанный от Екатерины Григорьевны Ягановой. Данный вариант характеризуется ярко выраженной психологической драматичностью (родители ищут пропавших детей). Фактически рассказчица жертвует комичностью ради усиления психологической достоверности изображения. Именно поэтому в тексте Е. Г. Ягановой нет описания того, с каким удовольствием Куткыннюку съедает одного задохнувшегося мышонка. Данный эпизод полностью противоречил бы позиции рассказчика, в итоге этот эпизод попросту отсутствует, хотя все соответствующие детали для его моделирования сохраняются: *Мыши выскочили. “Ну что, все?” “Нет, один там умер”. Штаны вытряхнули. Выпал один мертвенький. Одного положили наверх, на камни, мёртвого. Повесили на место, на дерево штаны. <...> Тут Куткыннюку открыл дверь. Лиса сказала: “Ой, я сильно стону!”* [1, т. 146, с. 1028].

На примере приведённого фрагмента отчетливо видно, как фольклорный текст начинает меняться под воздействием изменений традиционного уклада. Фактически, мы видим пример того, как осовременивается традиционный фольклорный текст, наполняется такими приметамы быта, которые связаны уже с современностью. ‘Куткыннюку стучит в дверь’ – этой детали не было и не могло быть в исконном тексте. В жилищах оленных коряков, представляющих собой юрту из сшитых оленьих шкур, двери, в которую можно постучать, просто не могло быть. Само появление этой детали изображения в тексте традиционной коряжской сказки может быть связано с двумя причинами: с одной стороны, с осовремениванием коряжского быта, а с другой, – с влиянием русской сказочной традиции. Действия персонажей объясняются в соответствии с меняющимися реалиями: исчезают те объяснения, которые были связаны с традиционным, но исчезнувшим укладом, а на их смену приходят другие детали изображения, обусловленные реальным ‘современным’ жизненным опытом рассказчика.

Коряжская фольклорная традиция предполагает достаточную свободу рассказчика в процессе изображения. Устойчиво сохраняется остов эпизода, но детализация непосредственно моделируется самим рассказчиком и зависит от того, насколько он расположен к подробному изображению. Выбор изобразительных деталей, конкретность изображения во многом обусловлены жизненным опытом рассказчика, опираясь на который он моделирует изображение.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

В процессе работы был использован архив А. А. Мальцевой: архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992-2006 гг. [1]. Все тексты расшифрованы с плёночных и цифровых аудиозаписей и переведены на русский язык ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Аллою Александровной Мальцевой при участии коряков-алюторцев, владеющих родным языком:

[1, т. 132] – рассказала Варвара Кондратьевна Белоусова, 1930 г.р., уроженка с. Лесная. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с якутского языка А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.;

[Там же, т. 146] – рассказала Екатерина Григорьевна (Яганова), 1943 г.р., уроженка с. Лесная. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Лесная в 2006 г. Текст расшифрован и переведен с якутского языка А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой в с. Лесная в 2006 г.;

[Там же, т. 148] – рассказала Мария Кондратьевна Яганова, 1943 г.р., уроженка с. Лесная. Записано экспедицией ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Текст расшифрован и переведен с якутского языка А. А. Мальцевой в г. Новосибирске в 2006 г.;

[2, т. 21] – текст представляет собой самозапись Екатерины Ивановны Дедык, 1932 г.р., уроженки с. Воямполка. Текст записан на коряжском языке. Рукопись переведена на русский язык Т. А. Головановой и А. А. Мальцевой в г. Новосибирске в 2014 г.;

[3, т. 13] – рассказала Ксения Ильинична Наянова, 1932 г.р., уроженка с. Лесная. Записала А. Н. Жукова в п. Палана в 1966 г. Перевела на русский язык А. Н. Жукова;

[4, т. 14] – рассказала Матрена Никифоровна Мулиткина. Сведений о рассказчице нет. Записала на якутском языке С. Е. Никитина в с. Вывенка Алюторского района в 1972 г.;

[5, с. 144-145] – рассказал М. Заев, житель с. Утхолок Тигильского р-на. Записала на ительменском и перевела на русский язык Е. П. Орлова в 1929 г.;

[6, т. 2] – рассказала Александра Алексеевна Симонова (Кергильхот), 1951 г.р., уроженка с. Ветвей. Записали Т. А. Голованова и А. А. Мальцева в п. Нагорный в 2010 г. Аудиозапись расшифрована и переведена с коряжского на русский язык Т. А. Головановой совместно с Е. П. Прониной в г. Петропавловске-Камчатском в 2011 г.;

[7, т. 116] – рассказала Е. Хаткана, 1900 г.р., жительница с. Маньпильгино Беринговского р-на. Записал на керекском языке В. И. Иунэвут в 1969 г. Место записи не указано. С керекского на русский язык перевел П. Я. Скорик.

Список литературы

1. **Архив фольклорных текстов оседлых коряков** / собр. и пер. А. А. Мальцевой, вед. науч. сотр. сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
2. **Дедык Е. И.** Рукописи на коряжском языке / собр. Т. А. Головановой, ст. науч. сотр. сектора фольклора народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
3. **Жукова А. Н.** Язык паланских коряков. Л.: Наука, 1980. 288 с.
4. **Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.** Язык и фольклор якутцев. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. 467 с.
5. **Орлова Е. П.** Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 199 с.
6. **Расшифровка устных коряжских текстов, записанных от А. А. Симоновой** / собр. и пер. Т. А. Головановой и А. А. Мальцевой.
7. **Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки** / сост., предисл. и прим. Г. М. Меновщикова. М.: Наука, 1974. 647 с.
8. **Тан-Богораз В. Г.** Восемь племён. Воскресшее племя: Романы, рассказы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 573 с.

**VARIABILITY OF AN EPISODE IN THE FAIRY TALE TRADITION OF THE KAMCHATKA NATIVES
(BY THE MATERIAL OF THE VARIANTS OF A TALE ON HOW THE MICE TOBOGGANED)**

Golovaneva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
gta-77@mail.ru

The article by the material of the variants of the popular on Kamchatka tale on how the mice tobogganed examines the factors conditioning the variability of an episode of a tale. Enrichment of an episode with the figurative details, psychological comments, detailing the personages' actions are conditioned by the local tradition, individual narrative manner of a narrator, his life experience, communicative situation.

Key words and phrases: Kamchatka natives; the Koryaks; Itelmen people; Kereks; Koryak folklore; Itelmen folklore; fairy tales; mythological epos; Crow epos; ethnographical origins; local tradition; variability; episode; archaic culture.

УДК 8.81

Филологические науки

Статья посвящена анализу политического дискурса президента США Б. Обамы на материале пресс-конференции в Белом Доме 18 июля 2014 года. Проанализированы способы употребления определенных лексем для эффективного воздействия на слушателей. Особое внимание уделено формированию в обществе негативного отношения к РФ. На основе проведенного исследования выявлены основные пресуппозиции, характерные для политического дискурса президента США, которые позволяют сделать выводы о намерениях и действиях данного политика на мировой арене.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; пресуппозиция; употребление определенных лексем; эффективное воздействие; речевые стратегии.

Голубева Вера Валериевна

Фахретдинова Александра Павловна

Томский государственный педагогический университет

stru3@rambler.ru; maltsevaal@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРЕЗИДЕНТА США БАРАКА ОБАМЫ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ
НА ТЕМУ КРУШЕНИЯ МАЛАЗИЙСКОГО БОИНГА 18.07.2014[©]**

В связи с последними событиями в мировой политике, все большее количество людей стали обращать внимание на способ ведения переговоров и публичных выступлений ведущих политиков, как своей страны, так и стран-оппонентов. От определенной политической позиции или ситуации зависят место страны на международной арене, ее взаимоотношения с другими государствами, ее роль в деятельности мирового сообщества. Немаловажную роль в определении позиции страны играет способ ее презентации политическими лидерами данного государства. Посредством выступлений политические деятели имеют возможность обратиться как к международному сообществу, так и к гражданам своей страны.

Политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе является совокупностью речевых действий. Основное назначение политической коммуникации состоит в борьбе за власть [3].

Анализ речи политических деятелей производится для выявления стратегии и тактики аргументации, используемых ими с целью убеждения аудитории [1]. Исследования выступлений позволяют прогнозировать дальнейшие действия и намерения политика устанавливать наиболее эффективные способы воздействия. Совокупность речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, обозначается термином «политический дискурс» [2, с. 6].

Целью данной статьи является анализ публичного выступления президента США Барака Обамы по случаю крушения малазийского самолета на территории Украины 17 июля 2014 года. Барак Обама является действующим президентом Соединённых Штатов Америки. До избрания президентом он представлял штат Иллинойс в Сенате США.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием событий в политической сфере на международной арене. Крушение малазийского самолета послужило своеобразным индикатором отношений между ведущими державами, а также показало мнение сторон на сложившуюся ситуацию на Украине и мировую политическую атмосферу в целом.